

ПТИЧКИ

МИХАИЛ КЕЛЬМАР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Кельмар

Птички

<https://litres.ru/74610599>

SelfPub; 2026

Аннотация

В небольшом городе у кромки тайги исчезают дети. За дело берётся старший следователь Волкова — женщина, которая устала от монотонности жизни и несправедливого отношения на работе.

Сначала всё выглядит как резонансное уголовное дело. Но чем глубже погружается Мария в расследование, тем меньше оно поддаётся логике. Свидетелей практически нет, а те немногие, кто даёт показания — дети, убеждённые, что девочек утащил леший. Местные ничего не знают и лишь некоторые старожилы, указывают на повторение прошлого. А улики ведут туда, куда здравый смысл идти отказывается — в тайгу.

Волковой придётся столкнуться со своим прошлым, чтобы спасти будущее невинных детей.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Кельмар

Птички

Глава 1

Запах перегара ударил по ноздрям и сработал лучше любого будильника.

Мария резко открыла глаза и сразу же сощурилась. Казалось, лучи проходили сквозь лупу. Резкая боль продолжилась гулкими ударами в области висков. В ушах зазвенело и казалось череп вот-вот треснет.

Сквозь звуки утреннего похмелья проступил мужской храп. Вчерашнее приключение из клуба лежало рядом. Как только глаза привыкли к яркости света, она осмотрела туловище, что заняло её добрую половину кровати. Абсолютно голый, со стекающей слюной на подушку, лежал полноватый мужчина.

— Опять, — пробубнила Мария себе под нос.

Он захрюкал, переворачиваясь на бок. Пары алкоголя, вырвавшиеся изо рта, неприятно коснулись глаз — защипало. Комки тут же подступили к горлу. Мария приложила кулак ко рту, спихивая туловище ногами. Он с оглушительным грохотом рухнул на пол. Ошарашенный, с сонным взглядом, как напуганный филин вертел головой, осматриваясь.

— А... Ты чего? — спросил он и, осознав неловкость положения, прикрылся подушкой.

— Тебе пора.

Мария обернула вокруг себя одеяло и указала мужчине на дверь.

— Захлопни за собой, — попросила она, шаря в ящике прикроватной тумбы в поисках волшебной таблетки.

— А поцеловать?

Мужчина уже вернулся на кровать и потянулся к ней, вытянув губы в трубочку. Редкие волосины на его голове светились из-за чего была видна его проплешина. Покосившись на мужчину, Мария скривила лицо, абсолютно не понимая чем руководствовалась при выборе мужчины на ночь.

— Нет. — Она повернулась к нему спиной.

Встала с кровати, придерживая рукой одеяло, и прошла мимо тумбы, на которой стоял чайник. Воды в нём было немного, в чашке уже лежал пакетик со вчерашнего вечера и открытая пачка дешёвого печенья. Кнопка щёлкнула и чайник зашумел. Мария поморщилась, пнув джинсы в сторону гостя.

— Давай давай, у тебя есть десять минут, Ромео.

Дверь в ванную закрылась на защёлку.

— Куда ты катишься, м? — спросила она себя, посмотрев в отражение.

Размазанная тушь, съеденная поцелуями помада, помятое лицо. От прошлой ночной «богини», как нарёк её ухажёр, не

осталось и следа. Голова всё ещё гудела, неприятно отдаваясь пульсирующей болью.

Открыв зеркало, Мария расплылась в блаженной улыбке. Волшебная таблетка лежала в баночке прямо перед ней. Взяв стакан, она вытащила из него зубную щётку, кинула таблетку и налила воды из-под крана. Таблетка зашипела, вода забулькала. Звук для болеющей головы был не из приятных, но выбора не было. Дождавшись, когда она полностью растворится, Мария осушила стакан залпом.

Отпихнув ногой одеяло подальше к двери, повернула кран. Приятные струи прохладной воды коснулись кожи, смывая всю ту грязь, что на ней осела за ночь. Казалось, вместе с этим смывалась и головная боль и зудение под кожей. За стенкой послышался звук захлопывающейся двери. Мария запрокинула голову назад, подставляя воде лицо — остатки макияжа смыло в сток.

Она металась по комнате собирая себя по частям. Сначала крабик, что лежал на комоде. Поспешно забрала им волосы. Затем распахнула шкаф: одежда лежала кое-как, комками, но в углу ровным строем висели водолазки, брюки, блузки для работы. Выбор пал на белую блузку, брюки прямого кроя и пальто, мышиного цвета.

Скача на одной ноге, натягивая штаны, взгляд Марии остановился на часах. Без пяти восемь.

— Твою ж мать!

Поборов медлительность, она быстро залезла в ботинки,

схватила сумочку, сиротски лежавшую у входной двери, накинула пальто и вышла из дома.

Всю дорогу до работы Мария пыталась вспомнить — заперта ли дверь. Эта мысль долбила по ушам сильнее ночной музыки. В сумочке творился хаос. Среди чеков, салфеток с номерами, помады и нескольких пачек жвачки она пыталась отыскать мобильный телефон. Он хитро зарылся в подкладку и не хотел никак даваться в руки.

— Мария Анатольевна, всё в порядке?

Тихий, бархатный голос заставил отвлечься от раскопок. Максим стоял возле служебной машины, протягивая ей кофе. Кивая, протянула руку и обхватила ещё тёплый стакан, напрочь забывая про мобильник.

— Да, — ответила коротко.

Максим кивнул и вернулся к автомобилю, протирая стекла. Она старалась вспомнить хоть один раз, когда он брал кофе кому-то ещё. Мария сделала пару глотков и поспешила в здание следственного комитета.

Отдел по утрам пах дешёвым кофе, не таким как ей приносил Максим, и бумагой. Мария бросила сумку, повесила пальто и включила компьютер. На столе её ожидала новая порция папок, которые она точно не оставляла вчера вечером — значит, Вязьмин снова воспользовался её столом как перевалочным пунктом. Она передвинула их к краю.

— О, Волкова явилась, — сказал Колесов из-за соседнего стола, не поднимая головы от монитора. — А я уж думал всё,

с концами.

— Думать не твоя сильная черта, Колесов.

— Помятая какая-то, — сказал он подняв на неё глаза. — Бледнющая.

— Это я от твоей рожи с утра, — сообщила Мария и открыла первую папку.

Колесов хмыкнул, незлобно. Они работали рядом уже шесть лет. За это время у них образовалось что-то типа традиции: он отпускает глупые шуточки, она огрызается, и оба делают вид, что это нормально. Так оно и было.

Планёрка была короткой и бессмысленной, как это обычно и бывало. Начальник отдела — Олег Никитич, грузный, усталый человек с постоянно несчастным выражением лица — пробежал по текущим делам, раздал замечания, поручения и отпустил всех с богом.

Мария уже собиралась вернуться к своим заботам, когда он её окликнул:

— Волкова. Задержись.

Она остановилась в шаге от выхода и вернулась к столу начальника.

— Дело по пропавшей, — сказал Олег Никитич, пролистывая что-то у себя на столе. — Девочка, пять лет, двое суток как нет. Мать надо допросить, первично. Тут рядом, Максим уже ждёт — отвезёт. Как допросишь, вернёшься.

— Новое дело? — Мария с энтузиазмом ухватила за папку, но начальник ухватился за край, не отпуская папку из

рук. Он пристально посмотрел ей в глаза, и вся радость от его доверия сошла на нет.

— Дело ведёт Вязьмин.

Мария сразу же отпустила папку и та упала на стол начальника.

— Ну вот пусть он и едет.

— Он занят, а у тебя сейчас свободного времени вагон. Тем более тебя прошу я — лично, — наставила Олег Никитич.

Мария вздохнула, забирая папку. Начальник уставился в документы, чиркая ручкой по бумаге.

— Хорошо, — согласилась она.

Максим сделал радио погромче, когда Мария села на заднее сиденье и хлопнула дверью. В машине играла приятная, ненавязчивая музыка. По-хорошему нужно было ознакомиться с деталями дела, но раз это первичный допрос, а все вводные начальник озвучил, тем более что дело достанется не ей, Мария решила проигнорировать папку. Разберется на месте. Машина медленно тронулась с места оставляя позади обшарпанное здание.

За окнами мелькали деревья. Осенняя пора накрыла город также резко, как закончилось лето. В один день. Редкие пожелтевшие листья срывались ветром и, кружась, опускались на асфальт, припаркованные автомобили и козырьки подъездов.

Максим, как обычно, молчал. Эту черту она в нём ценила

больше всего, особенно после болтливого Колесова. Он никогда не лез в чужие дела, несмотря на большой опыт оперативной работы, никогда не пытался поддерживать разговор или, не дай боже, заводить его самостоятельно. Всегда опрятный, всегда педантичный. Ещё и приятный бонус в виде горячего кофе по утрам.

Мария уткнулась лбом о стекло, разглядывая мелькающие пятиэтажки. Прохлада от лба разошлась по всей голове, снимая утренний бодун окончательно.

— Приехали, — тихо сказал Максим.

Мария оторвалась от стекла, закрутив головой по сторонам.

— Так... это ж мой дом.

Пятиэтажка с облупленным козырьком подъезда. Рябина у забора, которую она знала с детства — одну ветку на ней лет двенадцать назад сломал соседский мальчишка и с тех пор она росла криво, укладываясь на тот самый козырёк. Наглые вороны облепили уродливую ветвь и пристально смотрели на Марию. Внутри всё скукожилось.

— Максим, мы точно приехали куда нужно?

Максим только кивнул и не дал больше никаких комментариев.

Корнеева Юлия жила на втором этаже, в квартире напротив лестницы. Мария знала эту дверь — синяя, с облезлой краской, ржавыми петлями — и мать знала тоже, хотя только

в лицо: кивали на лестничной площадке, здоровались возле подъезда.

Остановившись на лестничной клетке, Мария всё же заставила себя заглянуть в материалы дела. Фотография девочки — рыжие косички, задорные зелёные глаза и добродушная улыбка. Пропала позавчера вечером. Прямо с детской площадки. Мать была на сутках, сообщила бабушка через три часа — сначала бегала по району самостоятельно, пытаюсь найти девочку, думали, что Юленька заигралась и ушла в соседний двор с соседскими детьми.

Папка захлопнулась слишком резко и фотография, как осенний лист, упала на пол. Мария перевела дух, вернула фотографию девочки в папку и постучала в дверь.

Ольга Корнеева открыла сразу, будто стояла за дверью. Наверное так и было. Женщина не высокого роста, плотная, с такими же веснушками и рыжими мелкими кудряшками, в застиранном старом халате — смотрела такими глазами, как смотрит ребёнок, увидев последнюю конфету в серванте у бабушки.

— Здравствуйте, я следователь Волкова. Вы позволите войти?

Она закивала, попятившись назад. Слез уже не осталось, за эти дни она всё выплакала. Опухшие глаза опустились куда-то вниз. В квартире пахло сигаретами и несвежей едой. На кухне сидел мужчина в белой майке-алкоголичке — видимо отец. Её название отлично отражало его внешний вид. Помя-

тый, взлохмаченный, с тёмными кругами под глазами и желтоватым оттенком кожи. Он угрюмо сидел, обнимая кружку, в которой, судя по сильно крепкому запаху, был не чай.

Мария сделала всё правильно: говорила спокойно, задавала нужные вопросы, всё записывала. Ольга отвечала ровно, только руки постоянно что-то теребили — платок, рукав халата, салфетку на столе.

Когда Мария уже вставала уходить, мужчина на кухне наконец повернул голову:

— Найдёте? — спросил он. Голос был хриплый, севший.

— Найдём, — сказала Волкова.

Это было не по протоколу, непрофессионально. В конце концов просто глупо — обещать. Она знала это и всё равно сказала.

На лестнице она остановилась у окна — во дворе было пусто, только рябина качалась на ветру. Юля каждый день играла на детской площадке, и Мария видела её, девочку с рыжими косичками, которая часто прыгала через лужи у подъезда.

Не решаясь вернуться, она позвонила Ольге ещё раз, уточнив пару моментов. Потом спустилась к машине.

Олег Никитич встретил её таким взглядом, будто уже знал что разговор будет неприятным.

— Вязьмин будет вести дело, — заговорил он не дав Марии открыть рта. — Ты провела первичный опрос, спасибо,

передай материалы ему и отчитайся.

Мария помолчала.

— Олег Никитич.

— Волкова, — вздохнул начальник, потирая переносицу.

— Мы с ним одного звания. Я такой же старший следователь. Вы попросили меня сделать работу за него. Девочка пропала не первый день...

— Ты выполнила просьбу. Дело ведёт Вязьмин.

— Отдайте его мне.

— Нет

— Олег Никитич, девочка живёт в моём доме. — Мария незаметно для себя, навалилась на стол руками. — В моём подъезде. Я знаю этот двор, соседей, я...

— Вязьмин. — Он поднял на неё взгляд. — Всё, Волкова. Передай материалы и возвращайся к своим делам.

Ноздри Марии расширились, словно вот-вот полыхнут огнём. Она поджала губы, аккуратно закрыв за собой дверь. Постояв в коридоре минуту, подошла к своему столу, взяла папку и понесла к Вязьмину.

Домой Мария вернулась в девятом часу. Разулась в прихожей, там же бросила на пуфик пальто. Включила чайник, открыла холодильник, посмотрела и закрыла. Открыв верхний шкаф, достала бутылку.

Налила немного — для успокоения нервов, как она себе говорила, хотя знала, что это неправда. Просто без это-

го квартира была слишком тихой, тёмной, унылой. Такой же, как отражение в зеркале, которое она наблюдала каждый день. В такой атмосфере всегда лезут добивающие мысли. Заплаканные глаза Корнеевой Ольги. Веснушки Корнеевой Юли. Папка в руках Вязьмина, у которого и так было три дела одновременно и он регулярно терял нити в двух.

Мария допила, налила ещё. Потом встала и прошла в ванную.

В зеркале снова она — без тональника, маскирующего мешки под глазами, без яркой помады и нарисованных бровей, которые придавали ей уверенности. Серая и незаметная. С мокрыми щеками от умывания и влажными волосами. Она долго смотрела на себя. Затем достала фен.

Через час из ванной вышел другой человек — с укладкой, со стрелками, с красной помадой и серьгами до плеч. Она надела узкое чёрное платье, с открытыми плечами, каблуки, окинула себя взглядом в зеркало прихожей.

Хорошо.

Захватив бутылку, закрыла за собой дверь.

Спускаясь по лестнице, машинально ускорила шаг, миновав второй этаж.

Уже через пару часов она танцевала в центре клуба, который был наполнен молодыми студентами, да лоботрясами, представлялась другим человеком и была уверена, что контролирует свою жизнь.

Лампочка своим гулом раздражала сильнее, чем язвительная усмешка Петровича. Мария расписывалась в документах на проходной, пытаясь воскреснуть после загульной ночи. Глаза старикана блуждали по опухшему лицу Волковой, а морщинистые руки медленно ковыряли пакетик с конфетами.

— Закусить надо? — прошептал он, приблизившись к окошечку.

Мария одарила его вымученной улыбкой, поставила последнюю подпись и захлопнула журнал. За спиной раздался мерзкий смешок, но тут же заглох, как только дверь в кабинет захлопнулась.

Вязьмин сидел за её столом, закинув свои длиннющие ноги. Бесцеремонно отодвинул все личные вещи коллеги к стенке и полистывал одно из своих дел. Мария поставила сумку, аккуратно зацепила край его брюк двумя пальцами, подтянула и скинула с поверхности стола.

— И тебе доброе утро, — ощерился Вязьмин.

— Чем обязана?

— Да у меня пока убираются, решил скоротать время, пообщаться. Обсудить рабочие моменты.

Узкие губы Вязьмина искривились в подобии хитрой улыбки. За спиной его все ласково называли крысёнышем: лопоухие уши, вытянутое лицо, острый нос, и маленькие чёрные глазки. Мария решила не отвечать, просто отвернулась и закинула пальто на вешалку.

Вязьмин не оценил её молчания. Откашлявшись, он положил папку на стол и заговорил громче.

— Волкова, твой отчёт никуда не годится. Переделай и через час занеси.

Мария развернулась, выставив указательный палец, и готова была уже заткнуть эту нахальную морду, когда заметила, что дверь приоткрылась — начальник собирался войти. Колесов встретил его в коридоре и о чём-то расспрашивал.

— Вязьмин, сам разберись с отчётом, у Волковой другое дело, — прохрипел Олег Никитич.

Мария ухмыльнулась, предвкушая, что ей доверят что-то такое, из-за чего Вязьмин будет кипеть от злости. Начальник вручил ей тонкую папку и удалился. Колесов прошёл на своё место, бесцеремонно сёрбая чаем.

— Ну, ладно.

Вязьмин поправил свой тонкий галстук, который так идеально подходил его крысиному образу, и ушёл, захватив свою папку. Мария взяла с подоконника тряпку и протёрла стол, хотя он оставался чистым.

— Наконец-то новое дело, — обрадовалась она.

Колесов угукнул, ехидно улыбаясь. Он не стал шутить, а значит содержимое папки Волкову не обрадует. Желание ознакомиться с делом улетучилось так же быстро, как начальник из кабинета. Но выбора не было. Открыв папку, Мария вытащила оттуда всего один листок. Брови сдвинулись, образовав складку на лбу.

— Малолетки спёрли пару пачек сигарет из ларька... С каких пор мы этим занимаемся? — возмутилась Мария. — Я этим занимаюсь?!

Колесов прыснул, забрызгав монитор чаем. Выдохнув, стараясь не терять самообладание, Мария накинула на плечи пальто, захватила сумку и покинула кабинет.

В машине Марию ждала приглушённая музыка, запах хвои от пахучки и горячий кофе от Максима. Каждый глоток по чуть-чуть снимал напряжение с лица. Пока она шла от здания до машины пальцы успели покраснеть и замёрзнуть, а теперь оттаивали. Небольшой картонный стаканчик приятно отдавал теплом, которое расплзлось от кончиков пальцев по рукам.

За окном стали всё чаще мелькать сосны, кедры, редкие берёзы. Максим выехал на загородную дорогу, которая огибала приличный кусок города. Волкова вытянула шею, всматриваясь в пейзаж.

— Наш ларёк в тайге что ли? — поинтересовалась Мария.

— Нет.

Максим не спешил объяснять выбор дороги. Он словно статуя сидел на водительском месте и рулил, изредка посматривая в зеркала. Или робот. Робот было бы точнее. Но взгляд Марии зацепился за незначительный жест — длинные пальцы барабанили по рулю. Обычно он крепко держался за баранку, иногда всего одной рукой.

— Так куда мы? — снова задала вопрос Волкова.

— На пути через Маяковку авария. Трубу прорвало, всё перекрыто.

Следователь кивнула и вернулась рассматривать мелькавшие деревья за окном. Одно было древнее предыдущего. Величественные, высокие, уходившие в самое небо. Мария любила тайгу — в ней было что-то манящее, загадочное и при этом пугающее. Она не боялась диких зверей, в её картине мира единственные, кого стоит бояться — люди.

В машине резко потянуло холодом и далеко не осенним. Волкова поёжилась, не в силах оторвать взгляд от стволов деревьев. Они растягивались, утопая в глубине чащи. Мурашки строем прошли по позвоночнику. Мария вздрогнула, чуть не уронив стаканчик с кофе.

Максим недовольно хмыкнул, но ничего не сказал. Волкова одним глотком допила остатки, и больше в сторону леса не смотрела.

В мыслях промелькнуло, что неплохо было бы ещё раз почитать про ужасных воришек сигарет. Опустив руку на соседнее место, ничего не обнаружила. Пошарила рукой — пусто. Открыла сумочку — ничего.

— Да чтоб тебя!

Максим только поднял глаза и посмотрел в зеркало заднего вида.

— Разворачивайся, я похоже на работе дело оставила. Он молча протянул ей тонкую папку.

— Где ты...

— С капота захватил.

Выдохнув, Мария коротко кивнула, не удостоив водителя даже взгляда, и принялась читать показания.

Мария не планировала потратить на историю с ларьком весь день, но освободилась только к вечеру. Подростки слёзно просили прощения, а угрюмая тётка с фиолетовыми волосами настаивала, чтобы «охламоны сели в тюрьму». Марии пришлось применить все свои таланты переговорщика и убедить склочную тётку, что ребята всё поняли и больше так не будут. Ребята, правда, были под два метра ростом, худощавые, детдомовские. Ремня им уже не дашь, но их слезам и соплям Волкова поверила, было в этом что-то безобидное, напоминающее детство. В любом случае, это не то дело, которым должен заниматься её отдел. Она оставила себе заметку, чтобы передать всё в отдел по делам несовершеннолетних, и закрыла папку.

На обратном пути Волкова улыбалась, вспоминая свою шпану, когда жила в приюте. Часто защищала таких же слюнтяев от более бойких мальчишек за что неоднократно получала.

— Вы чего такая довольная? — поинтересовался Максим.

— Ну я же просила на «ты». — Мария спрятала улыбку, надев суровую маску следователя. — Напомнили мне о детстве.

— Братья?

— Ну, можно сказать и так.

Вдаваться в подробности смысла не было, да и Максим потерял всякий интерес, как только она перестала предаваться воспоминаниям и вернулась в серую реальность.

Машина остановилась у дома. Чья-то «Волга» перегородила дорогу к подъезду. Максим напрягся, выглядывая из машины. Фонарь, освещавший пяточок, приветственно моргнул.

— Не напрягайся, я дойду. Это сосед, вечно так херово паркуется, — сказала Волкова и дёрнула ручку двери.

Максим вышел следом, поправляя воротник пальто. Без всяких слов он следовал за ней, как личный телохранитель. Она насупилась, пряча руки в карманы. Вечер становился прохладнее, изо рта шёл пар. Этот сентябрь был самым холодным на её памяти.

— Я сама дойду. Не маленькая.

Максим ничего не ответил, остановился у той самой рябины и не сводил с Волковой взгляда. «Как под надзором», — подумала она.

Только после того как зашла в подъезд и поднялась выше третьего этажа, послышался звук буксующих шин. Выглянув в окно подъезда, Мария увидела, как служебная машина теряется в тёмных дворах. Через пару поворотов фары вовсе скрылись из вида.

— Забавный ты, Максим Дмитриевич, — сказала она.

Вместо того, чтобы подняться домой, Мария вернулась во двор, где пропала Юля и села на детские качели. Они были уже не по размеру и бортики предательски сжали бёдра. Отталкиваясь ногой, она медленно покачивалась, пытаясь понять, почему дело Юленьки её не отпускает. Качели устало постанывали от каждого движения. Мария осматривала двор, проигрывая все варианты, как можно было незаметно забрать отсюда ребёнка в разгар дня.

За домом была оживлённая дорога граничащая с лесом. Даже ночью машины то и дело проезжали мимо. С двух сторон от дома Юли стояли другие пятиэтажки, образуя квадрат. А в квадрате — детская площадка. Столько окон, столько детей с родителями и ни одного свидетеля.

Картинка в глазах постепенно мутнела и расплывалась. Мария перестала ощущать прохладу металлических поручней, хватаясь за них крепче. Мышцы напряглись и правую руку свело. Глаза захлопали, ловя фокус. Она растирала запястье — по руке словно прошли сотни иголок.

— Угомонись, Волкова, это забота крысёныша, — пробубнила она сама себе под нос.

Мария долго ещё просидела на месте, буравя взглядом подъездную дверь, из которой вскоре вышла пожилая женщина. В цветастом халате, махровых носках и старых тапках. На плечи была накинута лишь вязаная жилетка. Волосы, собранные в пучок, желтели от света фонаря.

Женщина направилась напрямиком к Марии, с трудом пе-

решагивая через бордюр. Старушка взглядом пригласила её присесть рядом и села на лавку возле качелей. Мария приняла приглашение.

В воздухе стояли холод и сухое отчаяние. Бабулька устала на свои тапки, поматывая ногами, будто собиралась с духом.

— Новости есть?

Наконец заговорила старушка. Волкова напряглась. Она не вела это дело, но посмела дать обещание — спрос с неё. Ладонки тут же вспотели, Мария хотела было что-то ответить, но только открыла рот. Затем закрыла.

— Ясно, — вздохнула старушка.

В морщинистых уголках глаз заблестели слёзы. Мария запустила руки в карманы, лишь бы не сделать глупостей. Ей безумно хотелось обнять бабульку, утешить, сказать, что внушка скоро будет дома. Но она не имела права.

— Никто не ищет мою Юленьку, — всхлипнула старушка.

Достав платок, бабушка Юли начала утирать слёзы, шмыгая курносым носом. Мария посмотрела на землю. Тысяча слов разом крутилась в голове и ни одно не подходило для того, чтобы быть произнесённым.

— Милиция...

— Полиция, — поправила старушку Мария.

Всхлипы прекратились. Женщина повернулась к Волковой и нахмурилась. Мария втянула ноздрями воздух, обжигая холодом слизистую. «Как глупо» — повторяла она сама

себе. «Нужно было молчать. Просто выслушать и дать уйти.» — мысленно отчитывала себя Маша.

— Вот именно, — разразилась женщина. — И так нихрена не работали, а сейчас переименовались, форму поменяли, машины дорогие закупили, тьфу.

Она поднялась со скамьи и зашаркала в сторону дома — ругалась всё громче.

— А как работать, так они не хотят. Ребёнок пропал, — голос сорвался, захлёбываясь слезами. — Ой, Юленька, где же ты... внученька... чтоб он провалился... ироды...

Причитания бабушки скрылись за подъездной дверью.

Во дворе снова стало тихо: только шелест листвы, редкие звуки проезжающих машин, шорох в кустах. Что-то чёрное пролетело слишком низко, едва коснувшись затылка Волковой. Она пригнулась, а за спиной раздался грубый крик вороны.

По спине пробежал холодок. Мария медленно повернулась и встретила с птицей глазами. Ворона сидела на деревянной крыше песочницы и дёрганно крутила головой, казалось, пристально наблюдая. Её чёрные глаза механически моргали, а крылья недовольно вздрагивали.

— Кар!

Взмах крыльев — и она улетела.

— Взрослая баба, а испугалась птицы!

Мария плеснула дешёвый коньяк в стакан и села за стол,

закуривая сигарету. Клубы дыма медленно поднимались вверх, к абажуру, а затем выныривали в форточку. Рыжий абажур, висевший ровно посреди круглого стола, молил о замене лампочки. Света едва хватало на столешницу, не говоря уже про остальную кухню. И это при её скромных размерах.

Она скинула один сапог, сделала глоток, затем сняла второй. Откинувшись на спинку стула, вытянула ноги, закидывая их на табурет. Рука потянулась к пульту и началась игра — найди что-то интересное. По телеку шли лишь глупые ночные шоу с идиотскими шуточками да иностранные фильмы, просмотренные Волковой уже не раз.

Выключив говорящий ящик, она кинула пульт на диван. Глоток. Ещё один. Жидкость обжигала горло, разливаясь терпким теплом по всему телу. стакан попросил добавки и рука, не раздумывая, налила ещё.

Из приоткрытой форточки повеяло осенней прохладой. Часы смиренно отсчитывали последний час до полуночи.

Веки опускались, налитые свинцом. Сигарета тлела в пепельнице. Ещё пару глотков. Волкова сморщилась, и, отчитав себя за бесполезность, поспешно отправила стакан в раковину, вылив содержимое бутылки.

В ванной было теплее. Пар от горячей воды согревал лучше одежды. Волкова смотрела на своё отражение, на губы винного цвета. «Нет, не сегодня» — подумала она и провела по губам тыльной стороной руки. Помада смазалась.

После душа Мария лежала на диване, в сереньком халате,

не разбирая постель. Мысли, как мелкие тараканы, то и дело выбегали кучкой и снова разбегались кто куда. Потолок казался интереснее телевизора, только вместо говорящих голов и поющих трусов — внутренний голос. Он раз за разом напоминал Волковой о её глупости, никчёмности и невос требованности.

Она, молчаливо соглашаясь, кивала на каждое новое оскорбление, которое сама себе придумывала. С каждым новым словом голос становился тише и на его место пробивалась тощая, обессиленная вера.

Мария знала, как работает Вязьмин. Знала, что дети из таких семей, как у Юленьки, никто не ищет. Система менялась, но ей нужно время, а такие, как крысёныш препятствовали любым изменениям.

— Тебя уволят, Волкова, — хмыкнула Мария в ответ на новую мысль, что приземлилась где-то в сознании. — И правильно сделают.

Она повернулась на бок, убрала руки под подушку и закрыла глаза. «Завтра же изучу дело Юли подробнее» — с этой мыслью и уснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.